

На правах рукописи

Вадим Львович Агапов

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПРЕССА И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Владивосток – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

Научный консультант доктор исторических наук, профессор
Дударёнок Светлана Михайловна

Официальные оппоненты:

Блохин Валерий Федорович доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Шевцов Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Ведущая организация

ФГБУН Институт истории СО РАН

Защита состоится 27 ноября 2021 г. в 13.000 на заседании диссертационного совета 24.2.296.04 созданного на базе ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», по адресу г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус А, зал заседания диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» - https://www.dvfu.ru/science/dissertation-tips/analytical-platform-of-dissertations/detail.php?ID=46208679&IBLOCK_ID=1156

Автореферат разослан _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б.Сердюк

Актуальность темы. Первая мировая война 1914–1918 гг., которую многие современники называли «Великой войной» – одно из важнейших и переломных событий мировой истории. В обществе она вызвала ощущение жизни «в конце времён», выраженное в знаменитой книге О. Шпенглера «Закат Европы», а также в творчестве писателей «потерянного поколения» (Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка и Э. Хемингуэя). Ни одна из сторон не смогла одержать полной победы на поле боя. «Борьба на измор нашла своё решение не путём территориальных захватов, а в плоскости разрушения неприятельской государственности»¹.

Именно это произошло в 1917 г. с Российской империей. Поражение страны началось на информационном поле. Пресса в значительной степени ответственна за формирование в обществе негативного отношения к власти, которая после двух с половиной лет тяжелейшей войны не нашла сторонников даже в консервативно настроенных слоях населения, хотя немалую долю вины за это следует отнести и на счёт неправильных действий самой власти².

Таким образом, актуальность исследования заключается в следующем. Во-первых, в необходимости изучения и переосмысления роли периодической печати в коммуникационном пространстве Российской империи и объективной оценки её вклада в развитие представлений общества о войне, действиях правительства и внутреннем положении страны. Во-вторых, в практической значимости изучения на историческом примере взаимодействия общества и власти с использованием средств массовой информации для решения актуальных проблем современности. В-третьих, в том, что история прессы Дальнего Востока периода Первой мировой войны исследована хуже, чем многих других регионов России. Дальневосточные историки используют газеты того времени как один из источников по истории дальневосточного общества³. Но исследование развития системы печати в целом и отдельных изданий в частности, анализ их проблемно-тематического комплекса также имеет особое научное значение.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии изучения российской прессы периода Первой мировой войны можно выделить два подхода: в сфере политической истории, второй – истории повседневности. Первый подход господствовал в советской историографии 1920–1980-х гг. Он направляет исследователей на изучение печати как средства идеологической борьбы партий. В его рамках пресса рассматривается по политическим

¹ *Свечин А.А.* Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М., 2009. С. 166.

² *Шевцов В.В.* Сергей Спиридонович Татищев: историк и дипломат на страже интересов официальной печати, или как царское правительство проиграло информационную войну // Человек – текст – эпоха. Сборник научных статей и материалов. Томск, 2006. Вып. 2. С. 102–113.

³ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Позняк Т.З.* Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018.

направлениям.

Наиболее обстоятельной по данной проблеме является монография А.Ф. Бережного «Русская легальная печать в годы Первой мировой войны», которая рассматривается в контексте политической и классовой борьбы, основное внимание обращается на публицистику, агитацию и пропаганду. Автор считает буржуазные издания «неотъемлемой частью истории нашей страны, истории литературы, искусства, науки и журналистики» и анализирует содержание периодической печати разных политических партий и лагерей (кроме большевиков): «прогрессивной» буржуазии (прогрессистов и кадетов), «мелкобуржуазных» (меньшевиков и эсеров), значительно расширяя круг исследуемых изданий¹.

В современной историографии к этому направлению относятся исследования В.В. Шелохаева, К.А. Соловьёва, Б.С. Котова и др.², в которых печать изучается в контексте программ либеральных партий и идеологической борьбы 1905–1917 гг. Периодической же печати правых партий России периода Первой мировой войны посвящены диссертация М.В. Лыкосова³, публикации Д.И. Стогова, А.В. Глушкова и др.⁴.

Можно отметить, что в российской историографии достаточно глубоко исследована идеологическая борьба периода Первой мировой войны, в том числе публицистика разных политических партий: правых (консервативно-монархических), либеральных и радикальных, – хотя в этом направлении ещё сделано далеко не всё. Однако подход, ориентированный на изучение печати как средства идеологической, политической борьбы, оставляет за пределами внимания широкий спектр тем, о которых писала пресса. Например, таких, как освещение военных событий и повседневной жизни общества.

Второй подход в изучении периодической печати рассматривает печать как фактор культуры или как исторический источник⁵. Предметом изучения являлась либо история изданий, редакций, сотрудников, системы печати страны или региона, либо отражение в прессе исторических событий, как глобальных (войны, революции), так и локальных (того, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия

¹ *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975.

² *Антонов-Овсеенко А.А.* Первая мировая война в публикациях печатных органов политических партий России в 1917 г. // Вестник военного университета. 2010. № 3(23). С. 106–111; *Шелохаев В.В., Соловьёв К.А.* Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3(11). С. 184–196; *Котов Б.С.* Газета «Речь» во время июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4(37). С. 9–15.

³ *Лыкосов М.В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

⁴ *Стогов Д.И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 1. С. 101–112; *Глушков А.В.* Газета «Киевлянин» и прогрессивные националисты, 1915–1917 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 1(18). С. 271–277.

⁵ *Владимиров В.Н.* Рецензия: Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2016. 620 с. // Вестник Томского университета. История. 2016. № 2(40). С. 134–135.

жизни, трудовая и прочая деятельность, базовые потребности и возможности их удовлетворения), иначе говоря, то, что Ф. Бродель назвал «структурами повседневности»¹. Здесь исследователь обращается не столько к политической публицистике, сколько к телеграммам, фельетонам, газетной хронике, а также документам, раскрывающим условия функционирования и роль прессы в обществе в конкретных обстоятельствах времени и места.

В отечественной историографии с этой точки зрения прессу впервые стали изучать в Секторе изучения творчества А.М. Горького и русской литературы XX в. Института мировой литературы Академии наук СССР. Учеными был опубликован ряд исследований по истории литературы и журналистики «серебряного века», в том числе один из томов включал и период Первой мировой войны².

Наиболее заметным явлением в изучении истории российской прессы периода Первой мировой войны можно назвать работы Г.В. Жиркова. В его исследованиях «От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 годов» и «Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.»³ показаны общественные настроения, раскрыты условия военного цензурного режима, представлен проблемно-тематический комплекс журналистики, кинематографа, радиотелеграфа, фотожурналистики. Особенностью этих работ является то, что исследователь рассматривает газеты и журналы не только как печатные органы политических партий, проводники их идеологии, но и как совокупность средств массовой информации, находящихся под влиянием государства и бизнеса. Г.В. Жиркову принадлежит ряд статей, посвящённых анализу тематике российских СМИ периода войны, где подчеркивается, что война происходила, в том числе, и на информационном поле и пресса играла важную роль в пропаганде и в формировании общественного мнения⁴.

Интерес к теме Первой мировой войны, в том числе и роли в событиях прессы, значительно возрос накануне 90- и 100-летия войны. В этот период

¹ *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности и микроистория // Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград, 2014. С. 319.

² *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917.* Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

³ *Жирков Г.В.* От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 годов : учебное пособие. СПб., 2012; *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.: монография. Ижевск, 2014.

⁴ *Жирков Г.В.* Первая мировая война и становление системы СМИ // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: матер. 53-й междунар. научно-практ. конф. СПб., 2014; *Жирков Г.В.* Изобразительный культ героя и антигероя в журналистике Первой мировой войны // Век информации. Медиа в современном мире – Петербургские чтения: матер. 54-го междунар. форума (22–24 апреля 2015 г.). СПб., 2015; *Жирков Г.В.* Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики // Век информации. Журналистика и войны: К 100-летию Первой мировой войны. 2015. № 2. С. 77–97; *Жирков Г.В.* Война 1914–1918 гг. как первая мировая информационная война // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие. Владикавказ, 2015. С. 33–58.

появились публикации о военном репортаже, фоторепортаже¹, типах изданий, например, военной периодики², иллюстрированных журналов³. Большое число исследований посвящается военной пропаганде, образу Германии и немцев, формированию образа врага в прессе⁴.

Отдельное и самостоятельное направление в истории российской печати образуют исследования информационной политики Российской империи. Прежде всего, это работы по истории цензуры, в том числе военной цензуры. Об этом много писали ещё советские авторы. В частности, немало места этому вопросу уделено в монографиях А.Ф. Бережного и Г.В. Жиркова. Формированию цензурного аппарата, деятельности цензоров посвящены работы Н.Г. Патрушевой⁵. Влияние цензуры на публикации рассматривались И.В. Алфёровой, В.Ф. Блохиным⁶. Эти авторы приходят к выводу, что цензура своими запретами уменьшила эффективность военной пропаганды в России, способствуя непопулярности войны, как и политики правительства, в российском обществе.

В.В. Шевцов, анализируя служебные записки С.С. Татищева, показывает, что чиновники Российской империи недооценивали роль прессы в формировании общественного мнения в стране, «признавали инструмент

¹ *Смородина В.А.* Документальная фотография в российских иллюстрированных изданиях периода Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис... канд. филол. наук. СПб., 2000; *Смородина В.А.* Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой: особенности развития и персоналии // Последняя война императорской России: сб. ст. / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 115–135; *Эйдук Д.В.* Война и печать: к истории военного репортажа в русской газетной периодике, 1914–1915 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 70. С. 386–390.

² *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2008.

³ *Лукьянова И.* Дикий ветер и русский рай // Русский мир. 2010. № 4. С. 49–53; *Донин А.Н.* Военный август 1914 г. в России (по материалам журнала «Нива») // Власть. 2014. № 2. С. 164–169.

⁴ *Фишер Л.А.* Образ Германии в русской прессе 1905–1914 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 80–85; *Котов Б.Н.* Образ российских немцев в русской прессе накануне первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3–2. Т. 13. С. 391–398; *Филиппова Т.А.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012; *Морозова Н.В.* Эволюция «Образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград, 2015 и др.

⁵ *Патрушева Н.Г.* Первая мировая война и цензурные учреждения России // Век информации. 2015. № 2. С. 155–163 и др.

⁶ *Блохин В.Ф., Алфёрова И.В.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3(49). С. 32–48; *Блохин В.Ф.* Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольный») // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. СПб., 2017. С. 169–186; *Алфёрова И.В., Блохин В.Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 63–83 и др.

негодным только потому, что не умеют на нем играть», в результате чего власть проиграла информационную войну оппозиции¹. А И.В. Объедков в ряде статей, посвящённых пресс-конференциям в Генеральном Штабе, рисует картину того, как военное ведомство в ходе Первой мировой неоднократно меняло подход к информированию общественности о ходе военных действий, результатом чего стало недоверие к его сообщениям со стороны представителей крупных частных изданий².

Интерес к истории провинциальной прессы появился под влиянием развития региональной исторической науки на рубеже XX и XXI вв. По мнению Н.В. Жиликовой, занимающейся историей периодической печати Сибири, тенденция в отечественной исторической науке совпадает с «магистральными общемировыми процессами»: смещение внимания к локальной, «микроистории», к регионам и провинциям. В связи с этим и стала актуальной проблема изучения журналистики дореволюционных губерний, с тем, чтобы впоследствии эти отдельные работы составили основу для обобщающего труда по истории провинциальной журналистики. Н.В. Жиликова выделила этапы в изучении этой истории на примере Сибири: 1) «донаучный» (до 1917 г.); 2) «краеведческий» (1920–1930-е гг.); 3) научный этап (1960–1990-е гг.), во время которого сибирская журналистика изучалась в рамках исследований по истории, литературе и литературной критике Сибири, а также деятельности политических ссыльных в сибирской ссылке; и 4) «реформаторский этап» (с 1990-х гг.), который отличают «ревизия» прежних концепций и поиски новых методик для изучения сибирской журналистики³.

¹ Шевцов В.В. Сергей Спиридонович Татищев: историк и дипломат на страже интересов официальной печати, или как царское правительство проиграло информационную войну // Человек – текст – эпоха. Сборник научных статей и материалов. Томск, 2006. Вып. 2. С. 102–113.

² Объедков И.В. Пресс-конференции в Генеральном Штабе и осада Перемышля // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1(13). С. 42–48; Объедков И.В. Пресс-конференции в Генеральном штабе об обороне русских крепостей в 1914–1915 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 1. С. 75–98 и др.

³ Жиликова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 130–131; Жиликова Н.В. Томск газетный. Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 23–30; Жиликова Н.В. Становление системы журнальной периодики дореволюционного Томска (1886–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4(12). С. 105–117; Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начала XX века): становление и развитие. Томск, 2011; Жиликова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 126–132; Жиликова Н.В. «Правые» газеты Томска (1905–1915 гг.) // Медиаальманах. 2012. № 1(48). С. 44–50; Жиликова Н.В. «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 2. С. 198–207; Жиликова Н.В. Особенности тематики и проблематики

Первые исследования истории региональной печати и газет появились ещё в 1990-е гг., но подъём интереса к этой теме произошёл в начале XXI в.¹. Так, становление и развитие провинциальной прессы на рубеже XIX и XX вв. показано в работах В.Ф. Блохина², В.В. Шевцова³. Авторы рассматривают печать как фактор культуры своего региона, но касаются и их проблемно-тематического комплекса. Если В.В. Шевцов, отмечает: «Ни события Первой мировой войны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете»⁴, – то Н.В. Жилиякова показывает, как война повлияла на систему частной печати Томска и тематику публикаций томской прессы времён войны⁵.

По материалам пермских и поволжских газет написаны статьи О.А. Баталовой и Е.П. Терешинной⁶. В диссертации Т.А. Белогуровой рассмотрено отражение общественных настроений. По мнению автора, пресса способна наиболее адекватно отражать «массовые представления и настроения людей, социальных групп», «без обращения к данному явлению невозможно понять подлинную историю и культуру народа»⁷.

Современная региональная историография обогатилась исследованиями Д.Ю. Пухова, В.А. Холодова, С.В. Букаловой, Л.Г. Поляковой, С.В. Чалова,

журнала «Статистико-экономические бюллетени» (Томск, 1915–1916 гг.) // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 80–84; Жилиякова Н.В. Типологический «взрыв»: новые газеты и журналы Томска (1917 г.) // Век информации. 2017. № 2–1. С. 30–31.

³ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2012; Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.

¹ Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994; Воронцова Е.Е. Региональная газета «Приазовский край» 1891–1917 гг. Историко-типологическое исследование. Ростов-на-Дону, 1994.

² Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России (вторая треть XIX – начало XX в.): дис... докт. ист. наук. СПб., 2011.

³ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2012; Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.

⁴ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости»... С. 360; Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири... С. 564.

⁵ Жилиякова Н.В. Новые газеты и журналы Томска периода Первой мировой войны // Век информации. 2015. № 2. С. 68–77.

⁶ Баталова О.А. События февральской революции 1917 г. по газетной периодике г. Перми // Страницы прошлого: избр. матер. краевед. Смышляевских чтений. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 104–108; Терешина Е.П. Периодическая печать и изменение взглядов населения на проблему войны и мира в 1914–1915 гг. (по материалам поволжской прессы) // Россия в войнах начала XX века: к 100-летию русско-японской и 90-летию первой мировой войны. Доклады Всероссийской научной конференции 27–28 ноября 2004 года. Екатеринбург, 2005. С. 306–315.

⁷ Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: дис... канд. ист. наук. Брянск, 2006.

Д.И. Фадеева, С.В. Фоминых и А.О. Степнова и др. авторов¹. Они показали информационную ценность периодической печати как источника, наметили путь её дальнейшего изучения. Так, Д.Ю. Пухов отмечает рост количества изданий в Вятской и Пермской губерниях и расширение тематики газетных публикаций. Проведённый С.В. Чаловым анализ астраханских газет показывает, что они отразили падение уровня жизни населения Астрахани и упадок в сфере городского хозяйства во время войны. Статьи С.Ф. Фоминых и А.О. Степнова и О.Ю. Стародубовой представляют собой исследование освещения в сибирской прессе 1916 г. одной из крупнейших военных операций – Брусиловского прорыва.

Таким образом, можно отметить, что в российской исторической науке существует стабильный интерес к теме печати периода Первой мировой войны. Причём это особенно проявляется, прежде всего, в региональной историографии, в которой появился целый ряд работ по системе местной печати, особенностям газет и их тематики периода войны. Потенциал периодической печати как объекта изучения в исторической науке крупнейший исследователь сибирской прессы В.В. Шевцов обозначил так: «...Газетная периодика является наиболее распространенной формой чтения, во многом и по сей день образующей информационное социальное пространство. После публикации и тиражирования событие становится фактом социального сознания и бытия, принимаемым к сведению и оценке, как читателями-современниками, так и читателями-историками... Изучение газетной периодики способствует пониманию и восприятию тех знаний, образов и представлений, которыми на уровне повседневного сознания оперировали читатели прошлого,

¹ Пухов Д.Ю. Демократическая пресса Урала в условиях Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): по матер. Вятской и Пермской губерний // Документ, архив, история, современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2010. С. 288–303; Холодов В.А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–1. С. 123–131; Букалова С.В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 345–348; Полякова Л.Г. Периодическая печать как средство изучения деятельности тыла в годы Первой мировой войны (на примере Черноморской губернии) // Былые годы. 2012. № 3(25). С. 42–51; Чалов С.В. Условия жизни и быта населения Астрахани в январе – феврале 1917 г. (по материалам периодической печати) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 73. № 9. С. 22–25; Фадеев Д.И. Молодёжные конфликты в Симбирской губернии в период первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Власть. 2014. № 12. С. 165–168; Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Брусиловский прорыв в зеркале сибирской прессы // Русин. 2016. № 2(44). С. 44–57; Стародубова О.Ю. Освещение событий Брусиловского прорыва в периодической печати 1916 года // История и историческая память. 2014. № 10. С. 54–63; Семенова Е.Ю. Реклама в периодической печати Первой мировой войны как источник реконструкции и изучения повседневности в поволжском городе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 1. С. 84–91; Семенова Е.Ю. Возможности чтения в условиях провинциального российского города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 392–410 и др.

определяя возможность или невозможность более масштабных исторических изменений (модернизация, реформы, революция, территориальная экспансия и войны, научно-технический прогресс, формирование гражданского общества и правового государства)»¹.

Оценивая информационный потенциал провинциальной прессы, Р.В. Митина пишет, что пресса способна показать в региональном аспекте проблемы освещения хода Первой мировой войны и отношения к ней в обществе, к действиям правительства, оценок различными слоями общества действий России, вклада региона в войну и изменений, которые происходили там под её влиянием².

Интересное наблюдение делает и Е.Ю. Семенова, изучая провинциальную российскую печать периода Первой мировой войны. Она отмечает, что пресса негативно воздействовала на настроения россиян: «Систематическое чтение отечественной периодики в годы войны навевало у просвещённого обывателя пессимистические рассуждения, содействовало выстраиванию у него представлений о современности как не просто сложном, а именно экстремальном периоде жизни, охватившем практически все её составляющие»³.

В историографии периодической печати Дальнего Востока России конца XIX – начала XX вв. первой работой, затрагивающей период Первой мировой войны, была монография И.Г. Стрюченко «Идейно-политическая борьба большевиков Дальнего Востока против буржуазии и мелкобуржуазных партий за массы в 1917 году»⁴. В исследованиях Т.В. Прудкогляд «Печать Дальнего Востока России как фактор культуры (1907 – февраль 1917 гг.)» и «Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917)»⁵ дан очерк истории развития и становления дальневосточной прессы на общем фоне экономического и культурного развития региона, показано влияние периодической печати на культуру и её роль в городской общественной жизни, охарактеризованы типы и направления изданий. В этих работах нет детального анализа тематики отдельных газет и журналов периода Первой мировой войны. Но некоторые газеты («Камчатский

¹ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. С. 5.

² Митина Р.В. Пермские газеты как источник изучения Первой мировой войны: постсоветская историография // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 4(31). С. 72–81.

³ Семенова Е.Ю. «И – боже вас сохрани – не читайте до обеда... газет»: формирование информационной среды периодическими изданиями в тыловой провинции в годы Первой мировой войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, 2017. С. 157–162.

⁴ Стрюченко И.Г. Идейно-политическая борьба большевиков Дальнего Востока против буржуазии и мелкобуржуазных партий за массы в 1917 году. Владивосток, 1985.

⁵ Прудкогляд Т.В. Печать Дальнего Востока России как фактор культуры (1907 – февраль 1917 гг.). Владивосток, 1998; Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). Владивосток, 2000.

листок» и «Далекая окраина») рассмотрены в статьях С.Г. Кошкаревой и А.С. Заколотной¹.

Таким образом, анализ историографии вопроса показывает, что историки часто обращаются к периодической печати в своих исследованиях. Столичные издания чаще рассматриваются с точки зрения отображения в них политической жизни страны, развития капитализма, провинциальные – как фактор культуры или источник по истории общества, повседневной жизни. Показаны дифференциация российской прессы по типам и политическим направлениям, коммерциализация газет и журналов, развитие законодательства о печати в России накануне и в годы Первой мировой войны, дана характеристика многих изданий, проанализированы их публикации по вопросам войны, внутреннего положения страны, роль средств массовой информации в формировании общественных настроений. Однако современных комплексных исследований системы печати и проблемно-тематического комплекса газет до сих пор не существует, а исследование печати Дальнего Востока России находится на начальной стадии обобщения статистических сведений.

Объект исследования – периодическая печать российского Дальнего Востока периода Первой мировой войны.

Предмет исследования – отражение в дальневосточной прессе участия России в Первой мировой войне, внутреннего положения страны в годы войны и влияние этой информации на развитие общественных настроений на Дальнем Востоке накануне и во время революции.

Хронологические рамки работы охватывают период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Для печати он характеризуется военной пропагандой, увеличением доли военной информации и одновременно усилением цензуры, для общества – постепенным нарастанием кризисных явлений во всех сферах жизни, закончившемся революцией и Гражданской войной, продолжавшейся на Дальнем Востоке до 1922 г.

Территориальные рамки исследования. Под Дальним Востоком мы понимаем территорию Приамурского генерал-губернаторства (Приамурского края), образованного в 1884 г. и состоявшего с 1909 г. из четырёх областей: Приморской, Амурской, Сахалинской и Камчатской.

Цель исследования – показать формирование в дальневосточной прессе 1914–1918 гг. представлений о Первой мировой войне, участии в ней России и влиянии войны на социально-экономическое положение и настроения населения страны и региона.

Данная цель определила постановку следующих **исследовательских задач**:

¹ Кошкарева С.Г. Первая мировая война в восприятии жителей Камчатки (по материалам Камчатских газет) // Вестник Камчат. регион. ассоциации «Учеб.-науч. центр». Гуманит. науки. 2003. № 2. С. 88–91; Заколотная А.С. Российский Дальний Восток в начале Первой мировой войны (по материалам газеты «Далекая окраина») // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 122–130.

– показать систему дальневосточной периодической печати как социальный институт и фактор культуры региона в период между революциями 1905 и 1917 г., дать характеристику всех ведущих газет с точки зрения их типа, политического направления, личностей издателей-редакторов, состава редакций, аудитории;

– определить изменения законодательства о печати в Российской империи 1905–1914 гг., направления и задачи информационной политики правительства и администрации и развитие системы контроля за печатью на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны;

– выявить основные формы административных решений (штрафов, конфискации номеров, арестов редакторов, приостановки выхода газет) против прессы на Дальнем Востоке и их влияние на тематику, достоверность и объективность публикаций;

– показать развитие военной пропаганды и особенности освещения Первой мировой войны в средствах массовой информации России и других воюющих стран в 1914–1918 гг.;

– определить роль приамурской прессы в формировании общественного мнения о причинах, целях, задачах войны, образе внешнего врага, ценностных ориентациях патриотизма и шовинизма, национального самоопределения, отношение газетных публицистов к милитаризации жизни и перспективам развития России после войны и оценить влияние их публикаций на сознание дальневосточников;

– выявить источники и особенности освещения в дальневосточной прессе хода военных действий и влияние этой информации на развитие общественных настроений;

– показать роль средств массовой информации в формировании в обществе отношения к экономическому кризису, политике правительства, конфликту правительства и Государственной Думы и образу внутреннего врага в годы войны;

– показать отражение в дальневосточной прессе влияния Первой мировой войны на повседневную жизнь дальневосточников, развитие социального кризиса в регионе;

– проследить изменение настроений прессы в связи с событиями революции 1917 г.

Теоретико-методологические основы исследования представляют комплекс теоретических положений, принципов, подходов и конкретных методов исследования. В условиях России начала XX в. пресса выражала взгляды и настроения либерально-буржуазных слоёв населения, то есть была, как считали советские историки, буржуазной или мелкобуржуазной¹. Эти слои населения были очень немногочисленными, и поэтому программа реформирования страны, предлагавшаяся прессой, как и буржуазными политическими партиями, не соответствовала историческим условиям и была

¹ Стрюченко И.Г. Идеино-политическая борьба большевиков Дальнего Востока против буржуазии и мелкобуржуазных партий за массы в 1917 году. Владивосток, 1985. С. 36–54.

нереализуемой. Впервые такое наблюдение сделал М. Вебер, выдающийся немецкий социолог. В 1906 г., изучая опыт конституционно-демократической (кадеты) партии периода первой русской революции 1905 г., он пришёл к заключению, что капиталистическое развитие в странах второго (догоняющего) эшелона само по себе не только не порождает автоматически буржуазной демократии, но, напротив, даже препятствует её возникновению. Выступая с позиций либерализма, кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что им ничего не оставалось, как надеяться, что их враг – царское правительство – не допустит проведения в жизнь реформы, за которую они боролись. Главное противоречие программы кадетов, по мнению М. Вебера, заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества русское самодержавие с его сословным бюрократическим государством, преодолеть сопротивление якобы более прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (таких как община, крепостничество и пр. «азиатчина»). Но социолог видел, что через прорванную кадетами плотину хлынет такой мощный антибуржуазный революционный поток, что идеалы кадетов станут недостижимыми. Кадеты считали, что политическая реформа позволит провести главную социальную реформу – аграрную. Вебер же пришёл к заключению, что «массы» в России, которым всеобщее избирательное право «всучило» бы власть, не стали бы действовать в духе буржуазно-демократической программы¹.

По мнению современного российского философа В.М. Межуева, Россия в начале XX в. стояла перед необходимостью ускоренной модернизации (прежде всего, индустриализации) в условиях исторической и культурной неготовности к ней большинства населения. А «в такой стране даже после победы буржуазно-демократической революции модернизация не может осуществляться по демократическому сценарию»².

В современной исторической науке объяснение этому явлению может дать миросистемный подход, предложенный в 1960–1980-х гг. Андре Гундер Франком и Иммануилом Валлерстайном. Теория зависимости А.Г. Франка подчёркивала, что отсталость и неразвитость стран второго и третьего мира создаётся и возрастает сразу по мере проникновения в эти страны мирового капитализма³. И. Валлерстайн показал, что мировая экономика часто работала так, что создавала препятствия развитию в колонизированных странах⁴. К истории России этот подход применил Б.Ю. Кагарлицкий в работе «Периферийная империя: Россия и миросистема», в которой было показано влияние внешних факторов на ход событий в России. Как он пишет, «если на Западе уничтожение феодальной эксплуатации в деревне предшествовало

¹ Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Россия // Социс. 1992. № 3. С. 120–121.

² Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М., 2007. С. 14.

³ Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 75.

⁴ Бентли Д. Образы всемирной истории в научных исследованиях XX века // Время мира. Вып. 1. С. 43.

индустриализации, то в России, напротив, индустриализация осуществлялась в значительной степени за счёт средств, полученных из патриархальных и полукрепостнических методов эксплуатации труда в деревне», и поэтому «именно отсутствие развитого сельского капитализма в России исключало возможность успешного развития буржуазных отношений в “европейского типа” в городе. Подавляющая масса крестьянства не ощущала никакой связи с “передовой буржуазией”. Третьего сословия в западном смысле попросту не было». Вслед за М. Вебером Б.Ю. Кагарлицкий отмечает, что в условиях России идеи либерализма были принципиально нереализуемы¹.

Методологическая основа для работы, обращённой к публикациям прессы, предполагает использование разработанной Гарольдом Д. Лассуэллом в 1948 г. модели пяти вопросов (Кто сообщает? Что? По какому каналу? Для кого? С каким результатом?)². Это означает, что, прежде чем приступить к анализу собственно газетных текстов, требуется дать характеристику этого издания, определить его направление, взгляды редактора и сотрудников, установить аудиторию, к которой они обращались, и цели этой коммуникации.

Проблемное поле исследования находится в той же плоскости, что и работа В.Б. Аксёнова «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)». С помощью понятия «массовые настроения» определяются политические симпатии народа, и вместе с тем подчеркивается их временный, стихийный характер. В сравнении с ментальностью коллективные настроения отличаются большей динамичностью, подвижностью, а потому лучше передают отношение тех или иных социальных групп к меняющимся событиям социально-политической истории. В качестве структурных компонентов массового сознания выделяет первичный эмоционально-действенный уровень и вторичный рациональный: «На основе “ядерного”, базисного эмоционально-действенного уровня постепенно образуется более рациональный уровень...»³.

В.Б. Аксёнов в своём исследовании использует многочисленные массовые источники (архивные), но также отмечает «документы, не являющиеся массовыми, но позволяющие дополнить картину общественных настроений: дневники и мемуары современников, различные сведения из периодики (криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки из 59 изданий)». По его наблюдению, источниковый потенциал прессы зависит от особенностей политической системы государства: в 1917 г., когда была отменена цензура, «периодика в плане информативности и репрезентативности массовых настроений заняла первое место». И даже недостоверная информация, слухи, так или иначе, отражала представления общественного сознания о том или ином предмете⁴.

Публикации прессы, как исторический источник, играют важную роль

¹ Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 383, 386.

² Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ (пер. с англ.). М., 2004. С. 66–67.

³ Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 6–7.

⁴ Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции... С. 10, 11.

при изучении истории повседневности.

К числу основополагающих атрибутов повседневности относятся время и пространство, которые связывают с «большой» историей (политической, экономической, социальной), образуя диалектическую связь между микро- и макроисторией¹. Исследователь истории повседневности всегда имеет в виду подвижное, изменчивое время, полное разных случайных явлений, влиявших на частную жизнь, менявших её. Историк может проследить как на обломках одного уклада жизни и одной обыденности, в результате их разрушения, возникает новая обыденность и повседневность. Подобный анализ содержит перспективу прогнозирования будущего, поскольку он позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся как-то «изменить жизнь» как в мировом или государственном масштабе, так и на локальном уровне².

Изучение периодической печати даёт в этом смысле историкам новые исследовательские возможности. Оно позволяет показать информационное поле, в котором существует повседневность, реконструировать ментальный макроконтекст событийной истории. Эта методика лучше всего подходит для изучения повседневности эпох крупных политических, экономических и социальных потрясений (войн и революций), когда ритм жизни ускоряется и событий, в том числе и кардинально меняющих сами условия жизни людей, становится больше.

Периодическая печать в этом смысле рассматривается как один из способов социального конструирования реальности. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, обычный человек воспринимает повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Он обладает более подробной информацией о тех секторах повседневной жизни, с которыми часто имеет дело, например, в профессиональном плане, но при этом его знание об удаленных секторах гораздо более неточное и поверхностное. Политическая идеология в обществе создаётся «удаляющимися от общества интеллектуалами». Пресса (масс-медиа) способствует донесению этой идеологии до широких масс, делая её «носителями» целые социальные слои³.

При работе над темой использовались основополагающие принципы исторической науки: историзма, системности, объективности, всесторонности. Принципы историзма и системности требуют показать возникновение и развитие процесса, его оценки, результаты с точки зрения опыта истории. Поэтому дальневосточная пресса исследуется не в узких рамках периода

¹ *Старцев А.В.* Грани повседневности / Города Сибири XVIII – начала XX в. Сборник научных статей. Барнаул, 2002. С. 5.

² *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности и микроистория // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 312–334; *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности как направление исторических исследований // Перспективы [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 29.01.2018)

³ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 42, 74, 207, 208.

Первой мировой войны, а как состоящая из отдельных элементов система, которая формировалась, развивалась и усложнялась с конца XIX в. Как пишет Н.В. Жилиякова, системный подход в изучении провинциальной журналистики необходим: «Она входила в систему общероссийской печати как её важная часть, и сама, в свою очередь, являлась системой, состоящей из более мелких систем периодики отдельных губерний... Это даст возможность проследить существующую взаимосвязь сибирской и “большой” русской журналистики, увидеть их взаимодействие и взаимовлияние, являющиеся одним из признаков системности»¹. То же самое касается правового положения печати, поскольку военная цензура периода войны представляет собой лишь этап в развитии законодательства о печати Российской империи, и в рамках того же общеимперского законодательства действовали органы по контролю за печатью на Дальнем Востоке.

Объективность – один из важнейших принципов научного анализа. Научный принцип объективности ориентирует исследователя на понимание субъективности той информации, с которой ему приходится работать, умение оценить степень этой субъективности, умение и стремление минимизировать всякую субъективность (предвзятость) в своих собственных оценках и суждениях.

Решить поставленные задачи и достигнуть цели исследования помогает использование методов формальной логики (анализа и синтеза, сравнения и аналогии, индукции и дедукции) и основанных на них общих методов исторического исследования (нарративного, сравнительно-исторического, историко-генетического, типологического, системного). Диалектически взаимосвязанные методы анализа и синтеза помогают разделить единое поле исследования на составные части и выделить признаки объекта для изучения каждого в отдельности. Сравнение и аналогия используются при объяснении и оценке единичных фактов, которые уподобляются уже ранее известным и сходным с ними единичным фактам².

Сравнительно-исторический (компаративный) метод – выявление свойств исторических объектов с целью их последующего сравнения и выявления общих и особенных свойств. В работе используется сравнение как по вертикали (когда рассматриваются взгляды газет в начале и в конце Первой мировой войны), так и по горизонтали (сходство и отличие отношения к тем или иным вопросам). Историко-генетический метод состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе её исторической жизни. Он позволяет показать, как изменения в системе печати и её правовом положении, так и (в особенности) развитие проблематики прессы в годы войны, изменение оценочных суждений газетных публикаций по вопросам войны и мира, внешнего и внутреннего положения страны и т.п.,

¹ Жилиякова Н.В. История дореволюционной журналистики в Сибири: этапы исследования, новые направления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 130.

² Дударёнок С.М., Поправко Е.А. Методы исследования культуры: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток, 2013. С. 143–176.

происходящее по мере развития военного, социально-экономического и политического кризиса.

Поскольку в работе рассматривается содержание публикаций газет, часто отличавшихся по своему типу и политическому направлению и, вследствие этого, по-разному оценивающих те или иные явления жизни, правомерно использование элементов дискурс-анализа как метода интерпретации текстов, выявлений в них разногласий и попытки объяснить их причины.

Важнейшая роль в работе отведена системному методу. Он исходит из представления об исторических феноменах как о структурно-расчленённой целостности, в которой каждый элемент структуры имеет своё особенное функциональное назначение. В качестве такой целостности рассматриваются как сами газеты (в их схеме функционирования: владелец – издатель – редактор – сотрудники – аудитория – отношения с другими газетами и администрацией), так и система дальневосточной печати (включающую по 1–2–3 газеты в каждом из городов генерал-губернаторства), поскольку проблематика прессы в период Первой мировой войны рассматриваются не по отдельным изданиям, а в целом системе печати.

Как метод реконструкции повседневности используется и микроистория. Прежде всего, она относится к изучению биографий чиновников и журналистов, повседневной жизни редакций газет и причин конфликтов между ними (газетных войн). Микроистория предполагает изучение истории «снизу», больше на основе источников личного происхождения. Такими источниками можно считать газетные публикации, в которых затрагивались известные их читателям люди, события, проблемы. В печатавшихся в газетах передовых статьях, письмах, некрологах, заметках открываются глубоко личные истории на фоне глобальных событий, взгляды и настроения жителей локального социума, которым случилось жить в эпоху перемен.

Положения, выносимые на защиту:

1. Провинциальная пресса Российской империи была фактором культуры и частью информационного пространства. Коммерциализация общественной жизни поставила большинство частных газет в условия капиталистической конкуренции и сделала их органами купли и продажи, что предопределило низкий этический уровень этих изданий («газетные войны»). А создание в 1905 г. Государственной Думы и появление публичной политики вовлекло провинциальные периодические издания (кроме официальных) в общероссийский фронт борьбы оппозиционных политических партий против правительства.

2. Правительство пыталось защитить себя от критики со стороны оппозиции традиционными методами административного воздействия на печать (такими как штрафы, аресты, приостановка выхода изданий) и засекречивания определённой информации (циркуляры главного управления по делам печати и пр.). Хотя это позволяло снизить внешние проявления недовольства властью, но одновременно лишало последнюю широкой общественной поддержки. Развитие в годы Первой мировой войны военной цензуры вызвало падение доверия к правительственным сообщениям и

способствовало отчуждению российского общества от намерений и действий своего государства.

3. Оправдание войны в провинциальных средствах массовой информации осуществлялось так же, как и в столичных или зарубежных (и во многом именно под их влиянием): через придание ей несуществующих смыслов, очистительного, нравственно-религиозного значения. Но сложившийся в прессе образ «последней войны» существовал только в воображении публицистов из литературных кругов, в пределах которых он и оставался, являясь для интеллигенции способом «бегства от реальности» в духе литературы символизма и мистицизма. На широкие массы он не оказал воздействия.

4. Под влиянием военной цензуры газетные публикации формировали лишь самые общие и туманные представления о ходе военных действий. Это не было сильно заметно в самом начале, когда телеграммы почти ежедневно приносили новости об успехах русской армии, взятых городах (Львов, Перемышль), тысячах захваченных пленных и многочисленных трофеях. Однако затягивание военных действий без определённо победного результата вызвало понижение настроений даже среди интеллигенции, что проявилось в тоне выступлений периодической печати, в которой рассуждения о великой исторической миссии России сменились призывами «оставить все развлечения», «терпеть», «жертвовать» и «отдавать всё для победы».

5. Утопические представления о войне сочетались в прессе с реалистичным пониманием происходящего внутри страны. Отмечая развитие кризиса в сельском хозяйстве, в промышленности и на транспорте, дальневосточные газеты, которые призывали к «единению» всех слоёв общества против внешнего врага, показали, что в действительности происходит противоположное: углубление социального разрыва и моральная деградация во всех слоях общества. Фактически с первых же дней войны в обыденном сознании образ внутреннего врага (банкира, торговца, промышленника, спекулянта) занимал больше места, чем врага внешнего (австро-германца).

6. В освещении политической ситуации в России дальневосточные газеты следовали за столичной прессой и активно участвовали в информационной войне против правительства. Последнее обвинялось ими в неспособности довести войну до победы, нежелании сотрудничать с общественными организациями и доверить управление «лучшим людям», «народным избранникам». В общественное мнение этими публикациями внедрялась мысль о необходимости и полезности перехода власти к буржуазии, чем общество подготавливалось к Февральской революции 1917 г.

Источниковая база исследования представлена широким комплексом источников. Они могут быть разделены на пять групп: законодательные и нормативно-правовые акты; документы официального делопроизводства; периодическая печать; воспоминания, дневники, письма современников и справочно-статистические материалы и библиографические указатели периодики.

К первой группе относятся законодательные и нормативно-правовые акты, определявшие в начале XX в. все условия деятельности периодической печати

и допустимый для неё диапазон информации: «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, от 18 июня 1892 г.»¹, Указ «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. и дополнения к ним от 18 марта 1906 г.², «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и «Уголовное уложение»³, «Обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора» от 3 июня 1907 г. и 12 апреля 1912 г.⁴, Закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» от 5 июля 1912 г.⁵, «О перечне сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается» от 12 июля 1914 г.⁶, «Временное положение о военной цензуре» от 20 июля 1914 г.⁷.

Следует отметить, что многие из этих документов были опубликованы М.К. Лемке, предпринявшим целое исследование российского законодательства о печати периода Первой мировой войны⁸.

Вторую (и наиболее многочисленную) группу источников составляют делопроизводственные материалы как столичных, так и местных учреждений и лиц, среди обязанностей которых было наблюдение за периодической и непериодической печатью, общественными настроениями и происшествиями, охрана порядка в Приамурском крае: Главного управления по делам печати министерства внутренних дел, Департамента юстиции, Штаба Отдельного

¹ Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, от 18 июня 1892 г.; приложение к ст. 23 Общего учреждения губернского (Свод законов Российской империи. Т. II. Положение о губернских и уездных земских учреждениях). СПб. : Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892.

² Именной высочайший указ, данный Сенату (Собр. узак. 1905 г. ноября 26, отд. I, ст. 1879). О временных правилах о повременных изданиях. 1905. 24 ноября; Именной Высочайший указ, данный Сенату (Собр. узак. 1906 г. марта 22, отд. I, ст. 428). Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати. 1906. 18 марта.

³ Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. Пг., 1916. Т. 15. [Ч]. 1 : Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов ; [Ч]. 2 : Уголовное уложение : (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. 1916. 521 с.

⁴ Обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора, изданное на основании Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» от 12 апреля 1912 г. за № 20. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 426. Л. 80–81.

⁵ Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства: Одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 5 июля 1912 г. // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1912. Книга VI. С. 28–33.

⁶ О перечне сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается на основании статьи I отдела II закона 5 июля 1912 года об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства: Распоряжение, предложенное Правительствующему Сенату Министром Юстиции 12 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Петроград, 1914. Книга V. С. 75–77.

⁷ Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре : [Утверждено 20 июля 1914 года]. [Пг., 1914]. 15, [2] с.; Временное положение о военной цензуре // Приамурские ведомости. 1914. 21 августа. С. 1–2; 26 августа. С. 1–2.

⁸ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 29–140.

корпуса жандармов М.В.Д., канцелярии Приамурского генерал-губернатора Приморского областного правления, Владивостокского инспектора по делам печати, Владивостокского военно-цензурного пункта и др. Они содержат сведения о изданиях, политике центральной власти и администрации на местах в области печати, о деятельности инспекторов по делам печати и военных цензоров, об отношениях прессы и администрации, общественных настроениях, дальневосточных средствах массовой информации и информационной политике России в рассматриваемый период. Основной массив этих документов хранится в четырёх федеральных архивах: Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. С.-Петербург), Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Москва).

Дела об издании газет в Приамурском генерал-губернаторстве имеются в РГИА ДВ (Ф. 1 Приморское областное правление, Ф. 24 Владивостокский инспектор по делам печати и Ф. 702 Канцелярия Приамурского генерал-губернатора). В этих фондах они являются первичным источником, содержат оригиналы (рукописи) заявлений на право издавать и редактировать газеты, программы изданий, свидетельства, подписанные губернаторами, переписки с редакциями, полицмейстерами и областными правлениями. В городах, где не было особого инспектора по делам печати, функции надзора за печатью возлагались на полицмейстеров и губернаторов. Высшей инстанцией для них был генерал-губернатор, через канцелярию которого и проходила переписка с подведомственными учреждениями по наблюдению за всеми печатными изданиями в Приамурском крае (Ф. 702).

Особое место среди использованных документов следует отвести тем, которые хранятся в фонде Владивостокского инспектора по делам печати (РГИА ДВ. Ф. 24). Среди его документов переписка с Главным управлением, полицмейстерами и губернаторами, отчёты по печати, сведения о тиражах газет, преследованиях редакторов в административном порядке за период 1906–1916 гг., привлечении их к суду, конфискации номеров газет. Копии важнейших этих документов пересылались в Главное управление по делам печати (РГИА. Ф. 776 Главное управление по делам печати). В его фондах, посвящённых изданию газет в Российской империи, помимо этого, имеются постановления о штрафах и арестах, налагавшихся на издания, телеграммы и заявления редакторов-издателей, жаловавшихся на притеснения со стороны местной администрации, а также переписка по поводу газет между центральными и местными учреждениями. Все эти документы позволяют дать характеристику как всех изданий по отдельности, так и системы дальневосточной печати в целом, так, как виделось столичным и местным чиновникам, наблюдающим за печатью в Российской империи начала XX в.

Органом военной цензуры на Дальнем Востоке в период 1914–1917 гг. был Владивостокский военно-цензурный пункт. Его документы (РГВИА. Ф. 15762) показывают работу военных цензоров и политику военных властей в

области информации на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны. Их содержанием являются распоряжения, циркуляры и циркулярные письма местной военно-цензурной комиссии при штабе Приамурского военного округа и переписка военных цензоров и наблюдающего за пунктом с местной военно-цензурной комиссией. Эти документы значительно дополняют сведения относительно работы гражданской цензуры накануне и во время войны, создают картину работы чиновников Российской империи по надзору за дальневосточной прессой.

Способом контроля за информацией в органах печати были циркуляры Министерства внутренних дел, Главного управления по делам печати, Штаба Верховного главнокомандования (во время войны), Военного министерства, запрещавшие освещение либо обсуждение в печати тех или иных вопросов. Эти циркуляры присылались для руководства к действию в местные органы власти. Наибольшее их число выявлено в фондах Владивостокского военно-цензурного пункта (РГВИА), Владивостокского инспектора по делам печати, Канцелярии Приамурского генерал-губернатора и Приморского областного правления (РГИА ДВ). Эти циркуляры в целом дают представление о том, какие вопросы внешней и внутренней жизни в Российской империи считались нежелательными для обсуждения в печати на том или ином этапе войны.

Общественные настроения позволяют представить документы фондов Департамента полиции и Штаба отдельного корпуса жандармов министерства внутренних дел ГА РФ (Ф. 102 и Ф. 110): телеграммы и переписка об общественных настроениях, волнениях в войсках в Приморской и Амурской областях, о чрезвычайных мерах по охране Уссурийской железной дороги и о происшествиях в районе жандармского управления, канцелярии Приамурского генерал-губернатора: донесения военных губернаторов о политических выступлениях и об агитационной активности населения в областях Приамурского края; фонда Приморского областного по воинской повинности присутствия: сведения о проведении мобилизации в Приморской области, переписка о призрении нижних чинов и их семей; журналы заседаний (стенографические отчёты) Владивостокской городской думы 1914–1915 гг. Следует отметить, что многие документы, показывающие социально-экономическое положение на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны, опубликованы РГИА ДВ в сборнике «Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников»¹. Изучение их помогает лучше понять, насколько адекватно проблемы общества отражались в прессе.

Использованные архивные документы позволяют представить картину истории создания и функционирования органов печати в Приамурском крае (особенно в Приморской области), направлений и типов периодических изданий, правового положения газет, отношений газет с обществом и местной администрацией, информационной политики Российской империи во время

¹ Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. Владивосток, 2014.

Первой мировой войны и реализации этой политики в дальневосточном регионе, деятельности инспекторов по делам печати и военных цензоров, в общем, всего, кроме того, о чём писала сама пресса.

Третья группа источников представлена собственно публикациями периодической печати. Для исследовательской работы эта группа является основной, что обусловлено, прежде всего, спецификой темы исследования. Периодическая печать характеризуется оперативностью публикации общественно значимой информации. Но её нельзя считать только выразительницей общественного мнения, поскольку она, в лучшем случае, может выражать интересы группы людей – издателей. Подтверждением этому может служить наблюдение, сделанное профессором В.Ф. Блохиным. Анализируя взаимоотношения государства, частной прессы и массового читателя во второй половине XIX – начале XX в. он отметил, что к началу XX в. периодические издания в России стали печататься скорее за счёт средств своих рекламодателей (банки, промышленные предприятия и страховые общества), чем читателей¹. В современном источниковедении есть мнение, что периодическая печать является не комплексным источником, а комплексом источников и «...источниковой единицей в этом случае должна выступать каждая отдельная публикация, а не издание в целом (газета, журнал)»².

При работе над темой учитывались оба этих подхода. Первый – потому что редакции газет представляют собой организации со своей особой структурой, целями и задачами, хотя и зачастую далёкими от объективного освещения событий, но неотделимыми от места и времени, частью которых они являются. Подробнейшая, основанная на самом обширном круге источников, характеристика дальневосточных газет и сложившейся накануне войны системы печати в целом представляется необходимым условием для дальнейшего анализа их проблемно-тематического комплекса периода самой войны.

В исследовании проблемы проведено комплексное изучение всей дальневосточной газетной прессы периода Первой мировой войны. Газеты брались из газетных коллекций Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Приморского государственного объединённого музея (ПГОМ) имени В.К. Арсеньева, Российской государственной библиотеки (РГБ) им. В.И. Ленина. В общей сложности изучены 15 газет (не считая разных названий одних и тех же изданий): шесть владивостокских («Дальний Восток», «Далекая окраина», «Текущий день», «Приамурский край», «Русский Восток», «Дальневосточный мир»), три хабаровских («Приамурские ведомости»,

¹ Блохин В.Ф. «Пленники без застенков»: к проблеме взаимоотношений государства, частной прессы и массового читателя во второй половине XIX – начале XX в. // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Фёдоровича Блохина. СПб., 2015. С. 35–46.

² Рышков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

«Приамурье», «Приамурская жизнь»), две благовещенские («Эхо», «Благовещенское утро»), две николаевские («Амурский лиман», «Восточное Поморье»), одна николюск-уссурийская («Уссурийский край») и одна харбинская («Новости жизни»).

Второй подход представляется также продуктивным, когда речь идёт непосредственно об анализе публикаций газет, разнообразных по жанру, происхождению, содержанию. Примерами таких публикаций, которые сами по себе представляют отдельные исторические источники, являются широко публиковавшиеся в газетах во время Первой мировой войны военные сводки Штаба Верховного главнокомандующего или солдатские письма с фронта, использовавшиеся как источник в ряде публикаций¹.

К этой же группе источников относится публицистика – тексты, принадлежащие видным общественным деятелям, философам и политикам, посвящённые актуальным вопросам современности и предназначавшиеся для публикации, в основном, в газетах и журналах или сборниках типа нашумевшего в 1909 г. сборника «Вехи». Как и периодика, публицистика представляет собой нечто среднее между личным и общественным мнением, но с более выраженным авторским «я». Лучшим изданием таких текстов периода Первой мировой войны является «Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество»². Публицистика периода Первой мировой войны входит также в собрания сочинений авторов, как вошедших в упомянутый выше сборник, так и многих других, например, А.М. Горького, В.И. Ленина, Г.В. Плеханова.

Четвёртую группу использованных источников составляют источники личного происхождения: дневники, письма и воспоминания современников и участников исследуемых событий. Последние годы Российской империи, включая период Первой мировой войны, широко представлены в источниках этой группы, которые позволяют дополнить знания о повседневной жизни и общественных настроениях того сложного времени. Среди них, например, дневник последнего российского императора Николая II, воспоминания великого князя Александра Михайловича, бывших министров (членов Государственного Совета) В.Н. Кокоцова и А.Ф. Редигера. Важную роль играют воспоминания участников Первой мировой войны – офицеров российской армии и флота П.Н. Врангеля, Г.К. Графа, А.И. Деникина, Г.М.

¹ Караман В.Н., Рыкунов Д.Э. Письма Первой мировой войны в газете «Дальний Востокъ» // Ойкумена. 2014. № 2(29). С. 117–136; Аганов В.Л. Приамурцы на Первой мировой войне глазами владивостокской прессы 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 7. С. 45–49; Аганов В.Л. Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 169–181.

² Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4-х тт. М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1: Эволюция взглядов; Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки; Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению; Т. 4: Демократия страны «нарушенного равновесия».

Семёнова¹.

Наибольшее внимание уделено дневникам и воспоминаниям представителей общественности: крупнейшего издателя И.Д. Сытина, выдающегося искусствоведа барона Н.Н. Врангеля, писателей и журналистов А. Блока, Д. Мережковского, М. Морозовой, М.М. Пришвина, Т.Л. Сухотиной-Толстой, письмам жительницы Владивостока американки Элеоноры Прей². Из источников личного происхождения необходимой для историков является работа журналиста и историка печати М.К. Лемке «250 дней в царской ставке», увидевшая свет ещё в 1920 г.³ Её автор, как офицер запаса, был призван на войну и с сентября 1915 по май 1916 гг. служил военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего (тогда им был император Николай II). Осознавая важность сохранения источников, он копировал доступные ему документы: приказы (часто секретные) главнокомандующего и командующих армиями, циркуляры Главного управления по делам печати, переписку о печати и цензуре, делал выписки из газетных публикаций и записывал разговоры с офицерами и генералами с целью сбора материала для будущих историков войны. В итоге получилась широкая панорама работы Ставки и жизни Российской империи во время Первой мировой войны. Много места он уделил периодической печати, как официальной, так и частной и даже иностранной, издателям, редакторам и сотрудникам ведущих газет.

Источниками личного происхождения можно считать и художественные произведения о войне, написанные писателями – участниками и современниками. Прежде всего, имеется в виду большая тройка романов «потерянного поколения»: «На западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя. Все авторы были журналистами. Они смогли не только ярко показать войну глазами простого солдата, но и передать развитие настроений на фронте и в тылу, отношение в армии к военной пропаганде и т.п. Особенно выделяется в этом смысле роман Ричарда Олдингтона, поэта, писателя и сотрудника нескольких журналов, воевавшего в английской армии и сделавшего журналистом главного героя своего романа – Джорджа Уинтерборна.

К пятой группе источников относятся дореволюционные справочно-статистические материалы: «Обзор Приморской области», «Памятная книжка

¹ Дневники императора Николая II. М., 1991; Великий князь Александр Михайлович : Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004; Врангель П. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. Т. 1. Минск, 2002; Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. В 2-х тт. Париж, 1933; Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х тт. М., 1999; Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. М., 2002.

² Блок А.А. Дневник. М., 1989; Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001; Мережковский Д. От войны к революции. Невоенный дневник 1914–1917. Пг., 1917; Морозова М. Этюды. Владивосток, 1920; Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб., 2007; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991; Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1979; Сытин И.Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1985; Элеонора Лорд Прей. Письма из Владивостока (1894–1930). 3-е изд., испр. и доп. Владивосток, 2011.

³ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. В 2-х кн. Минск, 2003.

Приморской области» и др.¹. В них содержатся сведения о населении региона, экономике, культуре. Иногда эти сведения расходятся с теми, которые публиковались в газетах. Особенно это касается данных о населении городов, прежде всего, Владивостока, тогда используются данные, публиковавшиеся в официальных источниках. Использование материалов статистики позволяет рассмотреть прессу в контексте модернизационных процессов на Дальнем Востоке России.

Представляют интерес печатавшиеся в справочных изданиях того времени адреса учреждений, типографий, редакций и частных лиц, имевших отношение к прессе. К этой группе источников относятся также библиографические издания и указатели периодики². Они содержат полный перечень всех периодических изданий, выходивших в России вообще и на Дальнем Востоке в частности до 1917 г. Составлялись они на основании документов Главного управления по делам печати министерства внутренних дел. Они дают материал для подсчёта общего числа газет и журналов, времени их выхода.

В совокупности использованные источники позволяют решить задачи, поставленные в исследовании, и достигнуть его цели – изучить роль прессы Дальнего Востока в формировании представлений жителей региона о Первой мировой войне и о развитии экономического, социального и политического кризисов во всей России в целом и на Дальнем Востоке, в частности, в годы войны.

Научная новизна постановки и решения проблемы:

– проведено первое комплексное исследование системы газетной прессы Приамурского края в период 1906–1916 гг. и дана подробная характеристика всех ведущих изданий (таких как «Дальний Восток», «Приамурье», «Далекая окраина», «Уссурийская окраина», «Текущий день», «Русский Восток», «Дальневосточный мир» и мн. др.), введен в научный оборот обширный

¹ Обзор Приморской области на 1913 год. Приложение к Всеподданнейшему отчёту. Владивосток, 1915; Памятная книжка Приморской области на 1913 год. Владивосток, 1913; Памятная книжка Приморской области на 1914 год. Владивосток, 1914; Справочная книжка по городу Владивостоку Приморской области. Владивосток, 1914.

² *Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Л., 1958–1961; Библиографический указатель газет и журналов, выходивших на русском Дальнем Востоке до 1922 г. и хранящихся в библиотеках и архивах региона. Владивосток, 2010; Газетный мир России XIX – начала XX в. Каталог дореволюционных газет в фондах Российской государственной библиотеки [В 2-х т.]. М., 2014; *Грабельников А.А., Минаева О.Д.* История русской периодической печати (1703–2003). Библиографический справочник. В 2-х томах. М., 2004; *Лисовский Н.М.* Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг.: (Материалы для истории русской журналистики): В 2 кн. Репр. 1915 г. М., 1995; Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник. М., 1957; Русские дореволюционные газеты в фондах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (1702–1916). Алфавитный каталог. М., 1977; Русские дореволюционные газеты в фондах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Алфавитный каталог. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986; *Стрюченко И.Г.* Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861–1917 гг.). Аннот. библиогр. указатель. Владивосток, 1983.

фактический материал для новых справочных, энциклопедических изданий, научных монографий и научно-популярных работ, посвящённых истории дальневосточной прессы;

– впервые в контексте развития периодической печати Дальнего Востока как фактора культуры своего времени, представлены информационная политика правительства Российской империи, действия провинциальной администрации и цензуры по контролю за печатью в провинции (на примере Приамурского генерал-губернаторства), выявлено воздействие Главного управления по делам печати и военной цензуры на проблематику и тон публикаций дальневосточной прессы накануне и в годы Первой мировой войны;

– впервые по материалам публикаций в периодической печати воссоздана целостная картина развития представлений жителей российской провинции о военных действиях Первой мировой войны, участии в них русской армии, дана оценка достоверности и информативности газетных публикаций в зависимости от их происхождения и жанра и определена их роль в формировании общественных настроений на Дальнем Востоке;

– выявлено отражение в дальневосточной прессе социально-экономического и политического кризисов в Российской империи в годы Первой мировой войны, роль печати в формировании представлений населения о положении в России;

– введены в научный оборот в качестве источника публикации таких газет, как «Дальний Восток», «Далекая окраина», «Приамурье», «Приамурская жизнь», «Текущий день», «Благовещенское утро», «Уссурийский край» и др., к которым ранее не обращались исследователи;

– введены в научный оборот сведения из документов ряда архивных фондов государственных архивов;

– научная новизна исследования состоит в выявлении роли столичных и провинциальных средств массовой информации как фактора культуры в жизни Дальнего Востока периода Первой мировой войны, что позволяет обнаружить логику того политического выбора, который сделала страна накануне революции 1917 г.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что результаты её могут быть использованы в педагогическом процессе в преподавании Истории Дальнего Востока, Истории печати на Дальнем Востоке, в написании учебных и учебно-методических пособий по истории провинциальной российской печати и журналистики (такая работа уже успешно ведётся в Томске¹). Собранные автором материалы могут также использоваться в исследованиях истории печати в целом и отдельных газет в частности, истории российского общества и культуры начала XX в. Поскольку накануне революции 1917 г. правительство Российской империи явно потерпело

¹ Жилиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: в 2 т. Т.1: учеб. пособие. Томск, 2015; Т. 2: Антология. Томск, 2015.

поражение в информационной войне против оппозиции, изучение неудачного опыта прошлого может помочь современной власти и администрации в осуществлении своей политики в будущем.

Апробация результатов исследования:

По теме исследования опубликованы 3 монографии: «Перед катастрофой: Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. в зеркале русского “толстого” журнала» (Владивосток, 2014), «Дальневосточные журналисты невыдуманные истории газетных войн начала XX века» (соавт. Т.В. Прудкогляд) (Владивосток, 2017), «Последняя война: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы» (Владивосток, 2018), 21 статья в 11 журналах перечня ВАК («Былые годы», «Вестник Томского государственного университета», «Военно-исторический журнал», «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке», «Исторический архив», «Клио», «Новый исторический вестник», «Ойкумена», «Российская история», «Россия и АТР», «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»), 12 – в научных сборниках и журналах, не входящих в перечень ВАК («Известия Восточного Института», «Исторические записки», «История и архивы», «Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны»), 5 – в сборниках тезисов и материалов научных конференций («Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке», «Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны», «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции» и др.).

Структура работы.

Исследование состоит из введения, трёх глав, каждая из трёх параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность, цель и задачи исследования, определяются его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, сделаны обстоятельные обзоры историографии, источников, охарактеризованы теоретико-методологические основы исследования, показаны новизна работы, практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, определена структура работы.

В **Главе 1** «Между властью и обществом: периодическая печать Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны» (С. 50–183) характеризуется объект исследования – дальневосточная пресса периода Первой мировой войны. Глава состоит из трёх параграфов.

В параграфе 1.1 «*Развитие законодательства о печати периода “думской монархии” и система контроля за печатью на Дальнем Востоке*» дан обзор государственной политики в области печати в Российской империи, в том числе и на Дальнем Востоке, в период с 1905 по 1917 г.

Показано влияние социально-экономического развития России, роста населения, урбанизации и индустриализации на развитие издательской

деятельности, системы СМИ, в т.ч. и на Дальнем Востоке. Проанализировано развитие законодательства от «Временных правил о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. и «Дополнений» к ним до «Обязательных постановлений» Приамурских генерал-губернаторов от 1907 и 1912 гг. Показано их влияние на развитие издательской деятельности в регионе. Особое внимание уделено системе контроля за печатью на Дальнем Востоке, созданию и деятельности Владивостокской инспекции по делам печати. Определены роли инспектора по делам печати, полицмейстеров, губернаторов и Приамурского генерал-губернатора в надзоре за прессой.

Выявлены особенности информационной политики Российской империи после начала Первой мировой войны. Показано влияние «Перечня сведений» и циркуляров Министерства внутренних дел, Главного управления по делам печати, Ставки Верховного главнокомандования на тематику и тон выступлений газет.

В параграфе 1.2 *«Печать Дальнего Востока как фактор культуры начала XX в.: издания, редакторы, сотрудники, газетные войны»* сделан обзор системы печати Дальнего Востока и дана характеристика ведущих изданий.

В параграфе сделан общий обзор становления и развития газетной прессы Дальнего Востока. Показаны количество изданий, их типы и направления и продолжительность выхода. Дана детальная характеристика крупнейших газет дальневосточных городов Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийского, Благовещенска, Николаевска-на-Амуре и Петропавловска. Показаны история газет, состав сотрудников, отношения газет друг с другом. Определена роль местного торгово-промышленного капитала в прессе. Проанализированы условия работы и аудитория газет.

В параграфе 1.3 *«Административное воздействие на газеты и борьба прессы за свободу печатного слова на Дальнем Востоке»* разбираются конкретные примеры санкций, которые налагались на дальневосточные газеты цензурой и администрацией накануне и в годы Первой мировой войны.

Выявлены все случаи административных преследований прессы с 1910 по 1916 гг.: штрафов, арестов редакторов, конфискаций номеров, приостановки выхода изданий. Показано, какие именно темы/публикации газет вызывали или могли вызывать недовольство властей, какие меры были приняты по каждому случаю. Определена роль личности инспектора по делам печати, губернаторов и генерал-губернатора в отношениях администрации с печатью. Показаны возможности периодической печати по защите своих прав в борьбе с властью и её отдельными представителями (полицмейстерами, вице-губернаторами и др.). По материалам газетных статей особо отмечено отношение прессы к проблеме свободы печатного слова.

В **Главе 2** *«Роль прессы в формировании общественных представлений о войне и участии в ней России»* (С. 184–285) показана реакция газет Дальнего Востока на начало войны, их отношение к причинам, целям и задачам войны, выявлены источники и особенности освещения в газетах военных действий.

Общая картина роли прессы в Первой мировой войне дана в Параграфе 2.1 *«Особенности освещения Первой мировой войны в средствах массовой информации воюющих стран»*.

Показаны развитие общественных настроений в Европе и России в начале войны, военная пропаганда и усиление цензуры в воюющих странах. Выявлены роль интеллигенции и средств массовой информации в формировании в печати образов справедливой оборонительной войны, «последней войны», образа врага. Показана достоверность (соответствие действительности) газетно-журнальных публикаций, посвящённых ходу военных действий.

В параграфе 2.2 *«Осмысление в газетах Дальнего Востока причин и целей войны и будущего России после победы»* показано отношение к Первой мировой войне газет, выходивших в 1914–1916 гг. на Дальнем Востоке.

Проанализированы публикации (оригинальные и перепечатанные статьи) дальневосточных газет, посвящённые войне, её причинам, характеру, образу врага и целям войны для России. Выявлена зависимость провинциальных газет от мнений, распространяемых в столичной печати. Показаны взгляды редакций и авторов газет, отличия и сходства в позициях прессы в зависимости от типа и направления изданий, изменение отношения газет к войне на разных её этапах. Определено расхождение желаемого авторами текстов, владельцами изданий и властью отношения к войне с тем, которое на самом деле было распространено в обществе.

В параграфе 2.3 *«Информация о ходе военных действий и её влияние на общественные настроения»* показаны источники и особенности формирования в дальневосточных газетах представлений о военных действиях.

Определено место военной информации на страницах дальневосточных газет периода Первой мировой войны. Проанализированы основные источники, которыми пользовались редакции газет при освещении хода военных действий: телеграммы правительственного информационного агентства, включая сводки Ставки, перепечатки статей из столичной официальной и частной прессы, а также собственные источники: письма с фронта, некрологи и т.п. На основе редакторских передовых статей и печатавшихся некоторыми газетами обзоров военных действий (например, Новикова-Сибирского во владивостокской газете «Далекая окраина») показано развитие представлений интеллигенции о войне, действиях и положении армии, влияние информации о победах и поражениях на общественные настроения на Дальнем Востоке.

Война стала тяжёлым бременем для экономики и транспорта Российской империи, обострила все социальные, классовые, политические противоречия, нанесла российскому обществу моральный удар, способствовала приближению в стране революции. Этому посвящена **Глава 3** *«Особенности отображения в прессе влияния войны на внутреннее положение страны»* (С. 287–382).

В параграфе 3.1 *«Роль средств массовой информации в формировании отношения общества к экономическому и политическому кризису в стране»* даны некоторые сведения о состоянии промышленности, сельского хозяйства и транспортной системы страны во время войны, развитии конфликта Государственной Думы и правительства, и показано на материалах как

дальневосточной, так и столичной петербургской и московской прессы, как эта кризисная ситуация была отражена на страницах российских журналов и газет разных политических направлений, и какое отношение к ней в них доминировало. Отмечено, что публикации газет, отражая существующие настроения в обществе по поводу социально-экономических проблем, в то же время формировали отношение к политической ситуации в стране.

В параграфе 3.2 *«Дальневосточная пресса о социально-экономическом положении Дальнего Востока России в годы войны»* рассказывается о том, что дальневосточные газеты писали об изменениях, происходивших в социальной ситуации в регионе.

Проанализированы публикации в отделах местной хроники, фельетоны и передовые статьи по общественным вопросам. Выявлено отношение газет к таким проблемам, как дефицит, дороговизна, беженцы, положение солдатских семей в тылу, деятельность краевой администрации, городских дум и управ по борьбе с кризисом. Показано разрушение «внутреннего мира» в стране в связи с углублением социального расслоения в стране, влияние газетных публикаций на общественные настроения, переключения внимания с войны на внутренние проблемы.

Параграф 3.3 *«Печать и революция»* посвящён влиянию революционных событий на настроения дальневосточной печати.

Показано отношение газет к свержению самодержавия, к Временному правительству и его лидерам, позиция прессы по вопросам реформирования страны, войны и мира. Влияние политических событий (кризисы Временного правительства, поражения на фронте, провал «наступления Керенского», Корниловский мятеж, Октябрьская революция, разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира) на настроения публицистов на Дальнем Востоке.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы:

В 1907–1914 гг. издательское дело на Дальнем Востоке развивалось в контексте развития капитализма и капиталистических отношений. В системе печати преобладали умеренно-прогрессивные, либеральные и левые издания, в большинстве коммерческие, связанные с торгово-промышленным капиталом.

Лишь некоторые из редакторов газет смогли в этот период сохранить свою самостоятельность в определении характера и направления издания (В.А. Панов, Ф.В. Мисюра, К.И. Лепин). Многие были наёмными работниками (Д.П. Пантелеев, К.К. Куртеев) или вовсе подставными лицами (В.Я. Липовецкий, Г.Е. Анкудинов). За многими из рассмотренных газет стояли купцы или политические дельцы, нередко с сомнительной репутацией, использовавшие прессу для того, чтобы «выгодно устраивать свои дела», «зарабатывать многие тысячи» и сводить счёты с конкурентами. Таковы, например, «Приамурье», «Далекая окраина», «Приамурская жизнь», «Уссурийская окраина», «Приамурский край», «Океанский вестник» и др. Проникновение буржуазных отношений в прессу неблагоприятно сказывалось на её качестве и объективности содержания провинциальных газет. Газетные войны стали

феноменом культурной жизни городов.

Провинциальные частные газеты являлись региональной частью единого фронта печатных изданий буржуазной оппозиции, который сформировался в Российской империи в период думской 3-июньской монархии с 1907 г. Поэтому весь социально-экономический и политический строй Российской империи подвергался в газетах более или менее явной критике. Эта оппозиционность была «модной» и позволяла изданиям значительно расширить свою аудиторию (что видно на примере «Далекой окраины» и «Океанского вестника»).

Создававшееся с 1906–1907 гг. в России новое законодательство о печати («Временные правила о повременных изданиях» и «Обязательные постановления Приамурских генерал-губернаторов» 1907 и 1912 гг.) преследовало цель оградить центральную власть и местную администрацию от критики. Оно содержало много отсылок к уголовному законодательству («Уложению о наказаниях»), в частности, предусматривая наказания за распространение посредством печати «враждебного отношения» к правительству. В плане системы контроля за печатью на Дальнем Востоке следует отметить, что полностью она была представлена только в одном городе – Владивостоке. Инспектор по делам печати наблюдал за периодическими изданиями, издавал распоряжения о конфискации номеров (непосредственно этим занималась полиция) и возбуждал судебные преследования. В других городах все эти обязанности возлагались на начальников полиции. Ещё одной особенностью Дальнего Востока было то, что в его областях действовало военное положение, которое ставило периодическую печать в зависимость от военных губернаторов (прежде всего, Приморской и Амурской областей) и генерал-губернатора, каждый из которых имел определённый уровень полномочий.

Губернатор накладывал штрафы и аресты на провинившихся ответственных редакторов газет. Приамурский генерал-губернатор имел право приостанавливать (фактически закрывать) издания. Это давало представителям власти возможности для произвольного толкования законов, что было причиной перманентной борьбы прессы и администрации. Неудовольствие властей на Дальнем Востоке вызывали публикации об отмене крепостного права, о конституциях, содержащие критику администрации, духовенства, полиции, цензуры. Однако в новых исторических условиях принимавшиеся российскими чиновниками меры воздействия на печать были половинчатыми и не позволяли изменить тон её выступлений. К тому же многие из них не вызывались действительной необходимостью и лишь усиливали в обществе недоверие к власти. Борьба приморских газет за свободу слова в 1912–1913 гг. показала возросшую силу печати, её способность влиять на общественное мнение и оказывать давление на органы власти, хотя сомнительными с этической точки зрения методами.

Судя по некоторым документам, российские чиновники начала XX в. имели представление о возможности неблагоприятного для власти влияния публикаций прессы на массы. Но они недооценивали необходимость для государства бороться за общественное мнение с помощью информации.

Например, на Дальнем Востоке официальные «Приамурские ведомости» и подконтрольные губернаторам газеты в Николаевске или Петропавловске использовались только для печатания всяких распоряжений. Всё управление печатью осуществлялось с помощью контроля и запретов. Правительственная точка зрения в информационном пространстве была представлена слабо. И это создавало впечатление, что государству нечего сказать на обвинения, звучавшие в стенах Государственной Думы и на страницах частной прессы, в том числе и на Дальнем Востоке, которая в своих мнениях и суждениях зависела от столичной.

В основе информационной политики правительства России периода Первой мировой войны лежало намерение изъять тему войны из публичного обсуждения и запретить в печати любую информацию, кроме официальных военных сводок и сообщений правительственного телеграфного агентства. Эту цель преследовали обнародованные в 1914 г. «Временное положение о военной цензуре», «Перечень сведений, оглашение которых... воспрещается», а также дававшиеся под расписку редакторам газет циркуляры Главного управления по делам печати, Министерства внутренних дел, Штаба Верховного главнокомандующего, касавшиеся военной и политической тематики и многих вопросов общественной жизни. В какой-то мере эти ограничения подействовали. Дальневосточные газеты не публиковали ничего, что можно было бы рассматривать как военную тайну или как подрыв народного духа. Платой за это стали обеднение содержания средств массовой информации, не способных показать реальность войны, ещё большее недоверие к сообщениям правительства и, в конечном счёте, отчуждение российского общества от войны и политики своего правительства.

В отечественной и зарубежной исторической литературе можно встретить мнение, что смысл Первой мировой войны для правительств европейских стран заключался в предотвращении назревающего классового конфликта и революции с помощью переключения внимания народов этих стран на внешнего врага. Такие идеи звучали в узких правительственных кругах в России. Однако на конкретные действия власти в сфере массовой информации это никак не повлияло, потому что в информационной политике преобладало желание засекретить войну, направляя печать на решение внутренних экономических и социальных проблем. Во второй половине войны следствием такой политики стало разрушение внутреннего мира, заслонение образа внешнего врага образом «врага внутреннего», что, в частности, отрицательно сказалось на настроениях граждан, которые призывались на войну на её второй год или позже.

Ещё одним показателем провала государства в области контроля за печатью было то, что ближе к концу войны власть уже не решалась на меры, которые она применяла в начале. Если в 1912–1913 гг. на Дальнем Востоке Постановлениями генерал-губернатора были закрыты четыре газеты (плюс из-за арестов редакторов временно прекращали выход ещё несколько), в 1914–1915 гг. – три (все – в начале войны), то в 1916–1917 гг. (до февраля) такая мера не была применена ни против одного издания. Несмотря на то, что их

публикации, критикующие власть, стали более резкими, чем ранее.

Особенностями Первой мировой войны были мощнейшее развитие цензуры и военной пропаганды. Цензура в воюющих странах запрещала критику военного командования, правительства, статьи антивоенной направленности, публикации, способные раскрыть противнику военные тайны и подорвать дух нации. Издатели и редакторы газет сотрудничали с правительствами. В оправдании войны приняли участие мощные интеллектуальные силы: представители духовенства, писатели и учёные. Пропаганда основывалась на представлении войны как оборонительной, демонизации врага и обещании некоего морального оздоровления после победы над германским милитаризмом.

Настроения, которые создавались в дальневосточных газетах по отношению к войне, оказались в целом созвучны тем, которые господствовали в Петербурге, Москве или Лондоне. Вся вина за развязывание войны возлагалась на Германию. Противники России рисовались самыми мрачными красками как варвары, убийцы и грабители. Войне с ними придавалось очистительное нравственно-религиозное значение. Речь шла о защите погрязших прав малых народов («Россия – это нация освободительница»), уничтожении милитаризма и мире во всём мире («Последняя война»), борьбе с «германским засильем» и о расцвете России и русской культуры после победы. Во всём этом дальневосточные авторы следовали за столичными и зарубежными мыслителями (Бердяев, Метерлинк, Уэллс), выдержки из статей и публичных выступлений которых перепечатывались в местной прессе. Война представлялась в прессе как крестовый поход против сил зла.

Отвлеченными и фантастическими рассуждениями российская интеллигенция играла на руку правительству и предпринимательским кругам, в которых целями войны назывались объединение славян, присоединение к Российской империи территорий (Галиции и Проливов), развитие отечественной промышленности за счёт германской и, в конечном счёте, увеличение могущества России после победы над Германией.

В газетных публикациях реальную войну с её многомиллионными жертвами заменял искажающий её реальность симулякр. В нём каждому классу общества предлагалось удовлетворение насущных потребностей: буржуазии – обогащение за счёт ограбления побеждённых, интеллигенции – расцвет мирной культуры и творчества, низшим классам – социальная справедливость, и всем – новая лучшая жизнь: «Новая Россия не войдёт в старые рамки». Однако во всех случаях речь шла о выдаче желаемого за действительное. Поддержка в этих кругах внешней политики правительства предполагала и ожидание внутренних реформ в стране, – хотя правительство никаких реформ не обещало. То есть причины первоначально возникшего в российском обществе в 1914 г. патриотического подъёма, которое власти принимали за свидетельство общенародного одобрения своей политики, расходились с причинами самой войны. Каждый социальный слой имел в войне свои собственные цели, которые зачастую имели мало общего с намерениями и действиями правительства. Изучая публикации прессы, уже в самом начале войны можно было ясно

понять, что она так и не смогла ни разрешить, ни замаскировать все конфликты в обществе.

Публицисты «Дальнего Востока», «Далекой окраины», «Русского Востока» в 1914 г. изо всех сил старались убедить своих читателей, что российский народ охвачен патриотическим воодушевлением и только и мечтает о том, как «отдать долг Родине». Однако из тех же газетных публикаций видно, что воодушевление было далеко не всеобщим и, во всяком случае, на Дальнем Востоке существовало больше на страницах прессы, чем в реальности. Ещё В.И. Ленин в 1914 г. в статье «Война и российская социал-демократия» связывал вовлечение России в мировую войну с «отвлечением трудящихся масс от внутренних политических кризисов». Как можно судить по дальневосточной прессе, такая попытка была предпринята и в Приамурском крае, но успешной назвать её трудно. Население, за исключением впечатлительной части учащейся молодёжи (о судьбе которой на войне мы узнаем из печатавшихся впоследствии некрологов), воспринимало войну как испытание. Публикации приморских газет и документы Приморского областного по воинской повинности присутствия дают ясную картину беды, которая обрушилась на семьи в связи с призывом в армию десятков тысяч сыновей, мужей и отцов. Уже первая мобилизация в сентябре 1914 г. показала, что народ идёт на войну без энтузиазма. При второй, в октябре 1915 г., наблюдались массовые проявления недовольства среди ратников ополчения. Когда в 1917 г. произошла революция, оказалось, что сторонниками войны выступали только интеллигенция и буржуазия, бесполезно взывавшие через прессу к патриотизму населения, которое целей войны не поняло и воевать не хотело.

Местная пресса являлась для жителей Дальнего Востока одним из основных каналов формирования представлений непосредственно о ходе военных действий и положении на фронтах Первой мировой. Первоначально это вызвало большой интерес в обществе. Военные новости хорошо продавались. Не только крупные, но и мелкие («Текущий день») газеты печатали их на первых полосах и выпускали специальными приложениями.

Дальний Восток был отдалённым от войны регионом. У малотиражных и небогатых газет не могло быть собственных источников информации о военных действиях, и они в освещении войны почти полностью зависели от официальных телеграмм и перепечаток из столичных газет, официальных («Русский инвалид», «Армейский вестник») или частных («Русское слово», «Биржевые ведомости» и др.). Органы приамурской «малой» прессы ограничивались этими телеграммами и перепечатками. Издания для буржуазии и интеллигенции, как либеральные, так и консервативные (чаще всего «Дальний Восток», «Далекая окраина»), публиковали и собственные передовые статьи, и обзоры, правда, основанные на упомянутых выше источниках. Все публикации должны были соответствовать требованиям военной цензуры. Поэтому можно предполагать, что в газетах был представлен такой образ войны, который более или менее устраивал военное командование и правительство империи.

Официальные сообщения о войне составлялись в самых общих и

туманных выражениях, и в них было много недоговорок и умолчаний. Это было не очень заметно в начале, когда народный энтузиазм поддерживали известия о победах, одерживаемых русской армией, взятии городов, захвате пленных и трофеев. Судя по публикациям газет, последний раз такие настроения наблюдались после взятия Перемышля в марте 1915 г., отмеченного молебствованиями и патриотическими манифестациями. В немалой степени они были основаны на принятой политике преувеличения побед и замалчивания в печати поражений, из-за которой в тылу просто не было известно подлинное положение дел на фронте. Когда после начала отступления русской армии в апреле 1915 г. правда об этом частично раскрылась, это значительно снизило доверие к военным сводкам. Прежде всего, это заметно по военным обзорам дальневосточной прессы, например, у Новикова-Сибирского, который всю войну писал обзоры военных действий, призывая верить в победу России, но, в конце концов, признал, что знает о том, что происходит на фронте, не больше, чем о планете Марс. На второй год войны официозные публицисты призывали воздержаться даже от комментирования военных сводок и от любых предположений о ходе военных действий. В результате у жителей глубокого тыла не могло сформироваться картины войны и образов её участников с понятной всем мотивацией, которая бы объяснила, во имя чего приходится сражаться и терпеть всякие лишения.

Самостоятельные публикации дальневосточных газет о войне представлены печатавшимися почти во всех письмами с фронта. Первоначально они выполняли пропагандистскую функцию, но уже через несколько месяцев в них появились мотивы усталости от тяжёлых изматывающих сражений, окопной жизни, плохого питания и т.п., что, вероятно, стало причиной прекращения подобных публикаций к концу первого года войны. То же произошло с получавшимися из-за границы сведениями о миллионах убитых и раненых солдат Германии и Австро-Венгрии (информации о потерях русской армии в прессе не публиковалась). Сначала они использовались в военной пропаганде и позволяли в период затягивания военных действий порассуждать об истощении людских ресурсов противника, способном лишить его возможности продолжать войну. Но они также могли подорвать дух той части населения, которая бы догадалась, чего война стоит России. Негативное влияние на настроения общества оказывали и некрологи, появлявшиеся с первых недель войны.

О внутреннем положении страны дальневосточная пресса знала лучше, чем о военных действиях. Ведь в этом случае речь шла о том, что и журналисты, и их читатели могли наблюдать лично. Ими была создана настоящая хроника развития кризиса. В оригинальных или перепечатанных из столичной прессы публикациях на социально-экономические темы в отделах хроники, редакторских передовицах и фельетонах дальневосточные газеты отразили изменения в повседневной жизни и в общественных настроениях в регионе в годы Первой мировой войны. Здесь были показаны падение государственных доходов, спад производства, деградация транспорта, в том числе железнодорожного, который для Дальнего Востока имел особое

значение, ухудшение положения деревни, дефицит и дороговизна товаров, тяжёлое положение семей солдат, наплыв беженцев и в целом обеднение широких слоёв населения. В результате этого война, которая в самом начале описывалась прессой как своего рода праздник народного единства, стала общей тягостью для всех граждан и существовала на периферии общественного сознания как фактор, способствующий ухудшению условий их жизни. В конце 1915 – начале 1916 гг. газетных публицистов даже начали посещать сомнения в наличии у неё «великих задач», о которых они так много писали 1914 г.

Даже буржуазные газеты не смогли пройти мимо темы социального раскола в обществе. Сквозной темой в прессе периода войны являлся «внутренний мир», «единение» общества перед лицом внешнего врага. Надежды на достижение этого единения появились в начале войны в 1914 г. и ещё раз «ожили» в первые недели после Февральской революции 1917 г. Однако при этом очень много публикаций посвящалось неблагоприятной роли в обеднении населения торгово-промышленных кругов, сделавших войну источником крупных доходов. К 1916 г. образ внутреннего врага (спекулянта, «внутреннего немца», «мародёра тыла») занимал во всех газетах, в том числе и на Дальнем Востоке, больше места, чем врага внешнего (австро-германца). Тем самым газеты показали, что единение оказалось мифом, который использовали богатые, чтобы под прикрытием войны легче было грабить бедных.

Такое мнение было распространено во всех слоях общества, и даже газеты, принадлежавшие капиталистам, были так или иначе вынуждены об этом писать, чтобы не потерять доверие своих читателей. К этому же подталкивали прессу и министры внутренних дел, определявшие борьбу со спекуляцией и дороговизной как главную задачу печати.

Общественная обстановка в Приамурском крае внешне оставалась довольно спокойной до самой Февральской революции. Открытое проявление недовольства наблюдалось с осени 1915 г. только у мобилизованных ратников ополчения – но этот взрывоопасный контингент быстро высылался из края эшелонами на запад. Однако по газетным публикациям можно судить о том, что политические взгляды общества за годы войны заметно полевели. Как это было и в Европейской России, на Дальнем Востоке после начала войны образованные слои общества отказались от своей оппозиционности. Почти все газеты, как правые, так и либеральные и левые, призывали к единению с властью во имя победы над внешним врагом. А когда год спустя победы достигнуть не удалось, эти газеты («Дальний Восток», «Приамурье», «Далекая окраина», «Уссурийский край») поддержали выдвинутую в Петрограде и Москве идею о том, что необходимо более широкое привлечение общественности к делу обороны, а затем – программу думского Прогрессивного блока. На второй год войны в близких к прессе слоях дальневосточного общества преобладали оппозиционные к правительству настроения, основанные на взглядах правых кадетов и их лидера П.Н. Милюкова. Это проявилось во время думских сессий в августе – сентябре 1915 г., ноябре – декабре 1916 г. и в феврале 1917 г. На страницах газет власть критиковалась за то, что она не может привести страну к победе, не желает

допускать к управлению страной «лучших людей» общества, проводить реформы и т.п. В целом получалось, что Россия находится на пороге катастрофы, но спасение может прийти от Государственной Думы, которую народ любит и которой доверяет.

Вся политическая жизнь Российской империи проходила вдали от Дальнего Востока. Поэтому дальневосточную прессу нельзя обвинить в событиях, которые начались в Петрограде. Но своими публикациями, своей борьбой с властью такие газеты, как «Дальний Восток», «Далекая окраина», «Уссурийский край» готовили общество к идее о неизбежности и даже полезности для страны свержения в ней самодержавия. И, таким образом, они легитимировали в глазах общественности совершившийся в стране государственный переворот и новую власть, Временное правительство, к поддержке которого они призывали почти весь 1917 г. Однако революция показала, что цели оппозиции, как война до победы и сильная власть из народных избранников, – нельзя считать демократическими и общенародными, хотя они выдавались за желания народа. Как и предсказывал Макс Вебер, массы в России, получив избирательные права, не стали действовать в духе либерально-буржуазной программы.

С революцией в прессе связывались надежды на стабилизацию положения страны. Но вместо этого наблюдались ослабление институтов власти и охраны общественного порядка, анархия и хаос. Газеты писали, что новая революционная армия «полностью понимает задачи момента» и будет сражаться лучше, чем это делала царская армия. Но июньское наступление 1917 г. завершилось провалом. Под влиянием этих событий революционный энтузиазм из прессы улетучился, но было поздно. Публицистика конца 1917 г. полна разочарования результатами революции и пессимизма насчёт перспектив России.

Для людей, переживших в России во взрослом возрасте Первую мировую войну, она с самого начала была мифом. Отчасти в этом следует винить цензуру и пропаганду, отчасти – транслировавшиеся через прессу настроения образованных верхов общества. Чем более качественным было издание, чем образованнее были его сотрудники, тем больше проявлялась в них склонность связывать с войной надежды на лучшее будущее для всех. И в этом журналисты владивостокской «Далекой окраины» не сильно отличались от профессоров и академиков – авторов крупного столичного журнала «Вестник Европы».

Судя по газетно-журнальным публикациям 1914–1917 гг., в сознании этих кругов суровая реальность мировой войны и военного быта заменялась на самые общие рассуждения, отражающие повседневную жизнь и настроения буржуазии, интеллигенции, средних и мелких служащих, лавочников и т.п., того социального слоя, который ещё В.Г. Белинский в XIX в. называл «мещанство». В этих кругах причудливо переплетались такие черты и идеи, как миролюбие и воинственность, защита прав малых народов и увеличение территории и военного могущества России, демократия и национализм, гуманизм и очевидное равнодушие к жизням и страданиям миллионов людей, частная собственность, решающая роль капитала в управлении страной и вера в

«единение» всех сословий и классов: помещиков и крестьян, буржуазии и рабочих, продавцов и покупателей, богатых и бедных. Кроме того, для них был характерен утопический реформизм – выступая против существующего строя, они, вслед за буржуазно-либеральными партиями Думы, связывали с политическими реформами надежды и на развитие отечественной промышленности, расцвет культуры, искусства и науки и чуть ли не на то, что при новой власти «потекут молочные реки и кисельные берега». На самом деле война углубила глубокий раскол между высшими и низшими слоями общества, породив в первых ощущение надвигающейся катастрофы.

Эта оторванность от масс, предчувствие последних дней имели следствием отмечавшееся многими современниками в состоятельных кругах (аристократии, буржуазии) моральное разложение, «пир во время чумы», и характерное больше для интеллигенции бегство от реальности в мир утопий. Такой утопией и являлась Первая мировая война.

Политики, общественные деятели, публицисты, философы выдумали себе сказку о последней войне, о преодолении противоречий в обществе, о всеобщем подъёме народного духа, о будущем расцвете страны. Потом они хватались за неё в штормовом море событий, как за спасательный круг. В бедах России во время войны обвиняли Германию и немцев, затем «внутренних немцев», наживающихся на народном горе, потом власть, не умеющую победить Германию и одолеть этих «мародёров тыла», большевиков, развязавших гражданскую войну. Но утопия о бесклассовом обществе не была принята массами, так и осталась достоянием интеллигенции, интеллигентскими мечтами, памятником общественной мысли, оторванной от реальности и не пережившей испытания ей.

К концу 1918 г. авторы всех газет уже поняли, что, с точки зрения целей войны, о которых они с таким вдохновением писали в 1914 г. (защита попранных прав, борьба с милитаризмом за вечный мир), все жертвы были напрасны. Через месяц после капитуляции Германии и окончания войны, 12(25) декабря 1918 г., хабаровская «Приамурская жизнь» сокрушалась, что «“Политика не знает ничего, кроме холодного расчёта”, а право голоса даётся только тогда, когда за этим голосом чувствуется внушительная сила, и стало быть, царству сильного над правым уготовляется прежнее место и для будущих судеб мира». Газеты, обнаружили, что победители будут считаться с интересами народов не больше, чем до войны. 13(26) января 1919 г. автор «Далекой окраины» рассуждал, что на Версальской мирной конференции самоопределение наций не будет основным принципом, а «явится результатом соглашения задающих ныне тон держав и будет осуществлено лишь в меру возможности для этих держав втянуть в сферу своего влияния новообразовавшиеся национально-территориальные группировки». А до тех пор, пока одни народы подчинены другим, не будет подлинной справедливости и равенства. На этой пессимистической ноте закончилась для дальневосточных газет «последняя война».

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях (в журналах Перечня ВАК РФ и журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science):

1. Агапов В.Л. «У рухнувшей авантюры»: русско-японская война 1904–1905 гг. и владивостокская пресса // Россия и АТР. – 2014. – № 1. – С. 28–47. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21437101>
2. Агапов В.Л. Приамурцы на Первой мировой войне глазами владивостокской прессы 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 7. – С. 45–49. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23686060>
3. Агапов В.Л. Газетный мир Владивостока в период первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2(32). – С. 80–90. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24000198>
4. Агапов В.Л. Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 169–181. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25923493>
5. Дударёнок С.М., Агапов В.Л. Записка начальника владивостокского охранного отделения. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. 1913 г. // Исторический архив. – 2016. – № 1. – С. 152–163. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25463843>
6. Агапов В.Л. «Хулиган печатного слова»: история Владивостокского журналиста Ф.В. Мисюры и его газеты «Текущий день» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1(35). – С. 61–75. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25817353>
7. Агапов В.Л., Бутырин Д.А. Октябрьские события 1905 года во Владивостоке в освещении местной прессы // Россия и АТР. – 2016. – № 2. – С. 135–150. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26336944>
8. Агапов В.Л., Прудкогляд Т.В. «Уссурийская окраина» и другие газеты: из истории газетных войн в городе Никольск-Уссурийском (1907–1916 гг.) // Ойкумена. – 2017. – № 4. – С. 85–94. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32292139>
9. Дударёнок С.М., Агапов В.Л. Под защитой администрации: православная церковь и приморская пресса в 1910–1916 гг. // Россия и АТР. 2018. № 2(100). С. 133–154. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35332776>
10. Агапов В.Л. Публицистика Новикова-Сибирского во владивостокских газетах периода Первой мировой войны // Клио. – 2019. – № 5(149). – С. 13–22. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38190946>
11. Агапов В.Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Новый исторический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 31. – С. 33–47. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17662046>
12. Агапов В.Л. «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915–1916 гг.) //

Новый исторический вестник. – 2012. – Т. 2. – № 32. – С. 20–36.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=18484201>

13. Агапов В.Л. «Крушение старого государственного и общественного строя»: 1917 год в либеральном зеркале «Вестника Европы» // Новый исторический вестник. – 2014. – № 1(39). – С. 35–48.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=21695500>

14. Агапов В.Л. «Возбуждение в населении неуважения и враждебного отношения к чинам правительства»: страница газетной войны против высших чиновников Приамурского края (1911–1912 гг.) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 2(40). – С. 150–162. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22024303>

15. Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4(42). – С. 127–148.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=22798295>

16. Агапов В.Л. Полицейские, проститутки и газетчики: Служебные будни Никольск-Уссурийской полиции накануне Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2016. – № 1(47). – С. 36–53.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=26206527>

17. Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3(41). – С. 25–34. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26202765>

18. Агапов В.Л. Вице-губернатор Н.В. Мономахов и его борьба с «еврейским засильем»: эпизод газетных войн против чиновничества (1912 г.) // Новый исторический вестник. – 2016. – № 3(49). – С. 49–60. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27196521>

19. Агапов В.Л. Общественное мнение и политический конфликт в Приморье в 1914 г. // Российская история. – 2017. – № 2. – С. 131–138.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=29160049>

20. Агапов В.Л., Прудкогляд Т.В., Бутырин Д.А. Unknown N. Matveev – From the History of Vladivostok “Yellow Press” in the beginning of XX century // Bylye Gody. – 2018. – Vol. 47. – Is. 1. – P. 411–421.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=32750937>

Монографии:

21. Агапов В.Л. Перед катастрофой: Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. в зеркале русского "толстого" журнала : монография / В.Л. Агапов. – Владивосток : Издат-во Дальневост. ун-та, 2014. – 188 с.
<https://elibrary.ru/item.asp?id=22298913>

22. Агапов В.Л. Дальневосточные журналисты невыдуманные истории газетных войн начала XX века : монография / В.Л. Агапов. Т.В. Прудкогляд. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 264 с. : ил.

23. Агапов В.Л. «Последняя война»: Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы : монография / В.Л. Агапов. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2018. – 456 с.: ил.

Статьи в сборниках научных трудов, материалах конференций и других изданиях:

24. Агапов В.Л., Ивлева О.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. на страницах Владивостокской газеты «Дальний Восток» // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX века: сб. науч. ст. В 2-х т. – Т. 2. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. – С. 455–465.

25. Агапов В.Л. Владивосток летом 1914 года: по страницам городской прессы // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. – Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. – С. 59–62.

26. Агапов В.Л. Владивосток летом 1914 года: по страницам газеты «Далекая окраина» // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Материалы Второй Международной научной конференции, посвящённой 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке. Владивосток, 25–27 октября 2012 г. – Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. – С. 304–308.

27. Агапов В.Л. Военная пропаганда и образ врага во владивостокской прессе 1914 года // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы первой мировой войны: сб. науч. ст. – Владивосток : Изд-во «Рея», 2016. – С. 253–260.

28. Агапов В.Л. Советник Ундриц и китайские коммерсанты // Известия Восточного Института. – 2016. – № 1(29). – С. 13–25. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25896551>

29. Агапов В.Л. Редактор Мисюра и русская революция // Революция 1905–1907 гг. в России и на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма: тезисы докладов круглого стола, посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия первой Государственной Думы, Владивосток, 27–28 апреля 2016 г. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2016. – С. 18. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30758134>

30. Агапов В.Л. «В настоящее время состояние его исчисляется многими тысячами...» : издатель И. Л. Миллер и его газета «Приамурская жизнь» // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая международная научная конференция, Владивосток, 12–14 октября 2016 г.: программа и тезисы. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 56–59. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41206473>

31. Агапов В.Л. «Честному человеку служить в полиции в Приамурском крае – невозможно...» История службы и увольнения хабаровского полицмейстера Тауца // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 145–152. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29036456>

32. Агапов В.Л. Социально-экономический и политический кризис в Российской империи накануне Февральской революции глазами дальневосточной прессы рубежа 1916/1917 гг. // Известия Восточного Института. – 2017. – № 1(33). – С. 52–66. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28964797>

33. Агапов В.Л. Первая мировая война и хабаровская частная пресса // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй международной научной. – Владивосток, 2017. – С. 199–206. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30759716>

34. Агапов В.Л. Редактор Мисюра и русская революция // Дальний Восток России на перекрёстке эпох. Сборник научных трудов Всероссийского круглого стола, посвящённого 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной Думы конференции. – Владивосток, 2017. – С. 14–18. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30758134>

35. Агапов В.Л. «Последняя война» и владивостокская пресса (1914 г.) // Исторические записки. – 2018. – Вып. 17(135). – С. 82–121.

36. Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 1: Опыт Англии, Германии, Франции и Европейской России // Известия Восточного Института. – 2019. – № 1(41). – С. 6–20. <https://elibrary.ru/item.asp?id=39166999>

37. Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 2: Дальневосточная пресса 1914–1916 гг. о причинах, характере и целях войны // Известия Восточного Института. – 2019. – № 2(42). – С. 6–29. <https://elibrary.ru/item.asp?id=39199501>

38. Агапов В.Л., Прудкогляд Т.В. Смерть распорядителя, или последний бой Николая Ремезова // Известия Восточного Института. – 2019. – № 3(43). – С. 21–31. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41436923>

39. Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Ч. 3: военные действия Первой мировой войны в освещении дальневосточной прессы // Известия Восточного Института. – 2019. – № 3(43). – С. 6–37. https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/152/%D0%98%D0%92%D0%98_%202019-4-44_6-37.pdf

40. Агапов В.Л. Дальневосточная печать и капитализм: язык газетных войн в Приморье начала XX века // Кто вы? Акулы пера или дятлы клавиатуры : учебное пособие. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федераль. ун-та, 2020. – С. 31–41.